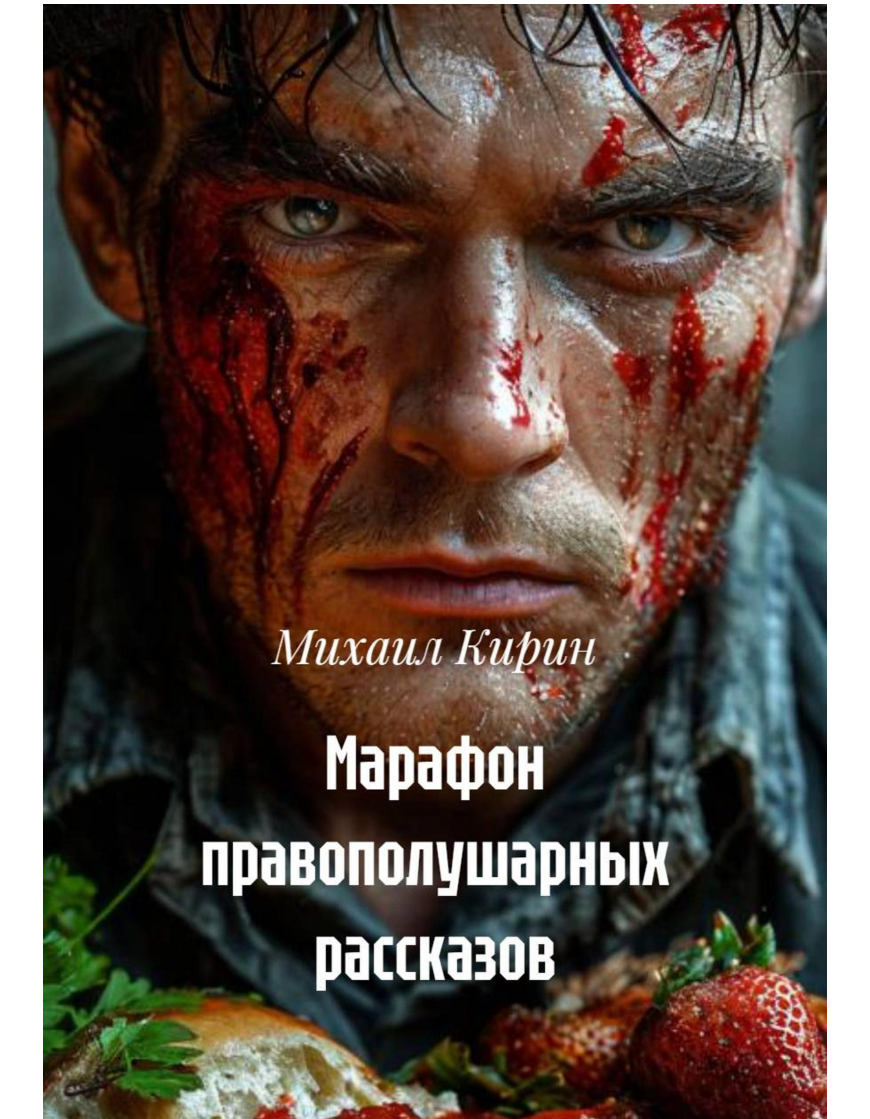

Михаил Кирин

**Марафон
правополушарных
рассказов**

Михаил Кирик

Марафон правополушарных рассказов

<https://litres.ru/73728267>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виват, дорогие марафонцы!

Открою вам маленький секрет.

Я не писатель! Не владею навыками художественного слова и боюсь клавиатуру. Сто раз подумаю, прежде чем напечатаю.

С удивлением смотрю на длинные ленты текста. Сколько труда, упорства и страдания бывает вложено в произведение по сути - отписку.

Работу, которую никто никогда не оценит. Вообще не прочитает.

Так вот, тайна моего появления на марафоне в том, что я посредник между писателем и его мозгом. Посланец из мета-мира.

Не пугайтесь и не паникуйте. Больно не будет. Разве что на душе. Очищающая боль.

Но это потом, когда я научу вас подключаться к ноосфере через правое полушарие мозга.

Мне нужны первопроходцы! Покорители вершин. Смелые и решительные естествоиспытатели себя.

По большому счету, я чувствовал давно уже, что Они Нас соберут наконец всех вместе. На один корабль. Пока все живы. Самые лучшие! Самые достойные! Алмазы!

Михаил Кирин

Марафон

правополушарных

рассказов

Августин

В день начала писательского марафона я приехал в краевую клиническую больницу имени Семашко, чтобы поправить зрение.

С третьей попытки удалось добиться от моих лейкоцитов понимания, полугодовой марафон по врачам завершился. Сердце билось от волнения.

Ура! Меня положили в больницу. Я радовался и улыбался, налево и направо. Перед лифтом, словно в космос, бесплатно.

Подвезли больного на носилках. Глазами вверх. Скоро он увидит потолок в лифте, потом другие потолки, долго ли. Рядом озабоченные родственники, сумки с питанием, авось пригодится.

Я пошел по лестнице пешком, всем известна польза. На третьем этаже пришли мысли о смерти. Ах, вот для чего на стенах картины.

Медленно, возвышаясь медленно, уже дрожат коленки. Я бы присел, или поменял ноги. Не сегодня. Сейчас глаза.

Вокруг несчастные или счастливые прооперированные с залепленным глазом старики. Убитые печалью сопровождающие и сиделки. Строгие сотрудники наводят ужас. Я улыбаюсь и снова радуюсь, в самом деле принесли постельное белье.

В палате сосед Володя предложил бутерброды с колбасой и сыром. Я не отказался. Саша дал сахар и чайник. Игорь угостил отборным табаком.

Колоритная раздача, которую я сразу окрестил кормилицей, гарантировала сервис.

Курить! Надо! Срочно! Везде нельзя. Выхожу в больничный сквер.

Осенний желтый лист. Люди с телефонами. Небо заволочло тучами, кажется будет дождь.

Неожиданно к моим ногам с дерева упала белка. Она смотрела снизу вверх, как бы говоря: "Протяни руку, возьми меня". Я стоял не шевелился, сигарета дымилась во рту.

Я видел одним еще рабочим глазом, как люди вокруг повернули телефоны в мою сторону и снимают белку.

Пушистая красавица принялась шуршать сухими листьями, бегать от дерева к дереву и копать лунки. Из тайничка она достала орех, ухватила зубами, принесла и закопала возле моих ног. Буквально в полуметре.

Потом белка спокойно забралась на ствол дерева, перепрыгнула на крышу постройки и исчезла.

Я снова улыбался и удивлялся такому обилию причин для радости.

О! Это день начала марафона.

Три дня пролетели во сне. Я старался больше спать и так приблизить время выписки.

Лечащему врачу – мой низкий поклон. Я пообещал ни наклоняться, ни поднимать тяжести и закапывать в глаз лекарства. Мне не терпелось посмотреть первое задание.

На автовокзале пассажиры на лавочках глазели по сторонам, зависали в телефонах, а я курил и с удовольствием вспоминал, как наклонился и поднял синюю купюру сразу же, как только вышел за дверь стационара.

Глаз – алмаз. Скоро пелена рассеется, такое найду.

Сигарета истлела, пошел я к урне и вижу на пути лежит баранка! Такая маленькая, круглая, коричневая баранка. Я застыл на месте.

Что делать? Вечный вопрос. Сколько времени на размышления? Покатится ли она сейчас через перрон или захрустит под подошвой. Перешагну и пойду дальше к урне выбрасывать окурки. Сделаю вид, что еще недостаточно прозрел.

Я наклонился, поднял бараночку и положил на прилавок неработающего киоска. Потом выбросил в урну окурки и сел в автобус.

Вот и завершилось мое путешествие. Теперь все внимание заданиям. Только куплю чай и конфеты. Выхожу из магазина и вижу посреди дороги сидит щенок.

Ни машин, ни людей. Никто не смотрит и можно уйти, ведь дедлайн, каждая минута станет монетой.

Кобелек удобно разместился на ладони, я забыл, что обещал не наклоняться. На обочине дороги в толстой асбестовой трубе копошились еще несколько малышей.

Что делать? Запихать бедолагу в это логово и быстро уйти или взять по-дружески с собой.

Быть или не быть? Вот в чем вопрос. Я держал маленькую собаку на ладони перед глазами, чувствовал, как дрожит тельце, видел, как виляет крошечный хвостик.

Настал момент истины. Вот где я остался один на один с совестью, которая есть прежде разума. Нет больше зрителей. Нет наблюдателей. Нет судей.

Моя воля, мое желание, мой каприз. Будешь моим другом и сыном моему старому псу. Или полетишь в трубу и я забуду о тебе в творческом марафоне.

Хорошо, что я забрал друга к себе домой, покормил и посадил в коробку. Всю ночь слушаю две песни. Одну поет маленький коричневый двортерьер по имени Августин, а вторую Ю-Питер "Прощай мой друг".

На втором задании лишние лекарства потекли из всех

глаз, даже не пролеченных.

О чем поведал кот ученый

Время летит быстро. Остановился зазевался и все. Вместе с тобой останавливается время.

Я завязывал шнурки и готовился выскочить на улицу. Планировал путешествовать до вечера по лесу.

Мой отец строго спросил: " А уроки за тебя Пушкин будет делать?"

Я не мог переложить ответственность на писателя и отправился учить стихи.

"Запомнил?"– Поинтересовался он через пять минут. Я ничего не понял и не запомнил. Тогда папа сказал смотреть, читать и представлять прочитанное в уме. Я принялся вчитываться в текст внимательнее.

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;

Была в детстве кошка. Я сидел возле дровяной печки и

грел спину. На коленях грелась кошка. Слева от меня в открытой духовке раскалилась задняя стенка.

Я вспомнил, как шутя закинул кошку в духовку и захлопнул заслонку. Кошке удалось просунуть лапу, но я одумался, когда услышал пронзительный вой.

Кошка оставляет после себя не приятный резкий запах. Так утверждала мама и запретила их держать.

Мы завели собачку и она схватила зубами соседского котенка.

Мама-кошка дико шипела и кидалась в морду собаке, но не могла отнять малыша. Тот кричал, собака рычала, моя мама пошла на подвиг.

Она вырвала котенка из пасти пса и протянула кошке. Не успела мама убрать руку, как разъяренный зверь кинулся в лицо.

Молниеносным движением лапы кошка вспорола кожу на лице от глаза вниз до подбородка. Из раны тут же хлынула кровь, оставляя пять красных полосок.

Моя мама на всю жизнь усвоила урок от кошки. Думай о последствиях. А я получил еще более глубокий урок.

Когда ссорятся люди, то твоя помощь кому-либо из них тебе дорого обойдется. Могут оба тебя побить, например.

Идёт направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;

Я принялся воображать своего кота. Большого, пушистого и ученого. Как это представить?

Вот цепи золотые представляю. Толстые, желтые, дорогие. А кот по ним ходит. Не на шее носит. Плевать ему на золото.

Кот в сказке живет. А если он в голове ходит то направо, то налево? Похоже на маятник в часах на кухне. Только гирьку с треском потяни.

Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;

В чужой избушке и кот будет чужой. Злой и таинственный. Не добрый. Его бабка старая недолюбила. Это, как дети

недолюбленные.

Умные, пушистые, но готовые к ногам нечисти всякой прильнуть и выслужиться. Так что кот-коту рознь и поют они разные песни.

Я представил себе кота с гитарой из мультика. Это был наш кот. Добрый, пушистый, веселый и остроумный.

По-русски разговаривает, песни поет и помогает. Перетянул всех в деревню, где лес и дол видений полны.

Мне тогда еще в детстве понравилось, что кот не за границу, а в село.

Очень часто, когда кот говорит там внутри сказку, она похожа на правду.

Особенно веришь, когда про витязей прекрасных, что чредой из вод выходят ясных. Выходят и уходят. Выходят и уходят. И до них уходили и не приходили.

А грозного царя можно пленить, оказывается, мимоходом. Царь Грозного это из прошлого или будущего, я не понял.

Но это послание настораживало. Без магии высших сил тут не обошлось.

Местные красавицы не просто так в темнице тужат с детства и выносят коровий навоз на свалку ведрами. Вырастают и сразу все царевнами становятся.

Волк ей служит. Не кот и не кошка. Потому, что добрая девочка. А злой кот у вредной бабки на посылках.

Свободный кот не служит, он поет песни и рассказывает сказки. Волки служат. Они умные, только песни их ты поймешь не скоро.

Баба Яга улетит черные замыслы претворять в жизнь, а злой кот издевается над мышами. Поймает, не ест сразу, а тянет мыша за хвост и наслаждается.

И снова золото.

Чахнет дед. Никак не помрет. Он же бессмертный. Нет! Не правда. Такого не существует. Предлагают бессмертие? Кто откажется? Так сразу, на ходу.

Лишь на миг ты присел завязать шнурки на ботинках, чтобы погулять в родном лесу. Задумался, а тебе вопрос в лоб.

Хочешь бессмертия?

Все будет у тебя! Много золота, но чахнуть будешь ты.
Днем и ночью до скончания веков.

И ты выбираешь. Нет. Ты уже знаешь. Тебя кот информировал. И пел и шептал и на авторитеты ссылался.

Надышался я духом кошачьим.

Пропитался, начал вонять сам. Свои не узнают. Фыркают.
Так и норовят по щеке лапкой, чтобы больно.

А мне дым отечества и сладок и приятен.

Не запомнил я тогда стихотворение, потому что ничего не понял. Я думал про кота. И вдруг очнулся с кружкой странного меда и говорящим котом за одним столом.

Веселье только начиналось.

Афалин

Прилипчивый кот повстречался. Странные песни поет, мудреные.

Сразу не разобрать, словно туман перед глазами. Не пойму. То ли наваждение, толи в глазах после операции иллюминация.

Посмотрю на пламя, а оно — фиолетовое. Яркое, насыщенное, чудесное. Гляну на пол и вижу, как живые микро организмы разбегаются от взгляда, плавно передвигая лапки.

Стоит только присмотреться, как все замирают, прячут ноги или испаряются. Наваждение. Не иначе кота кто-то надушил одурманить мою голову песнями, усыпить сказками, соблазнить золотом.

Таинственная сеть плетется паутиной столь тонкой, что скорее это поле из вещества. Котогенератор. Синхрофазатрон.

Стакан не должен пересыхать! Закон генератора переменного тока.

И вот впиваются тебе в мозг электроны. Эй детка, я теперь брюнетка, бежать бессмысленно, я стреляю метко.

То фаза шибанет по мозгам, сдвигая синусоиду вправо. То ноль шибанет слева, восстанавливая баланс потенциалов и зашкаливая по инерции.

А когда ты поймешь, что прятаться бессмысленно, плюхнешься в кресло, закрываешь глаза, включаешь экран и смотришь потоковое телевидение.

В общем поле информации зарождается мысль. Из сердца, из души, из трепета, из боли, из навоза. Вдруг росток.

Идеи раскручиваются словно фракталы. Ветви тянутся вверх, плодятся и размножаются. Семимильными шагами.

Мысли набирают обороты, ты разгоняешься и взлетаешь над моремокианом. Белым, Красным, Желтым, Мраморным, синим или Черным.

Высоко летишь, далеко глядишь. И ныряешь с высоты в воду.

Ласточкой или бомбочкой, солдатиком или топориком, пузиком или мордочкой. Ты не чувствуешь боли. Тебе некогда обращать внимание на мелочи. Теперь ты на дне.

Философ в кораллах. Клешнею своею ты пишешь роман. И вдруг креветка-богомол вскрывает панцирь твой.

Ты на дуэль не приглашен. Убили из засады. В расцвете

лет, на пике сил, надежд и вдохновенья. Еще вчера ты песни пел, разглядывая небо.

Сегодня ты туда летишь с разбитой мордой. И никому на свете дела нет на то, что миллионы лет подряд писал ты эту книгу.

Ты глаз настроил так умно, что видишь через воду. И линза водная тебя выносит на свободу.

Ты тайны космоса познал за много много лет. И книгу кровью написал и получил привет. С далеких звезд, из черных дыр и дружеских планет.

И вот судьба стать чьим-то супом.

Но я не плачу и не рыдаю. На все вопросы я открыто отвечаю, Моих грехов разбор оставьте до поры, Вы оцените красоту игры!

Суп из крабов. Морские и заморские деликатесы. Улучшают зрение, обостряют ум, смазывают шкуру жиром.

А главное вековая, тысячелетняя, миллионолетняя информация перетекает в желудочек мизерной креветки. Которая не зная русского языка ощутит только урчание внизу

живота.

И не поняв вкуса, пукнет подливкой, оставляя белую полосу, как призрачную надежду на светлое будущее.

А я пойду на Север. Заранее. До самой Полярной звезды дотянусь и отложу там яйца. Синие, как у дрозда.

Вылупятся астрокрабики, а у них в генах закодирован мой роман. И здесь под камнем еще яйца припрятаны. Родится писатель.

Нажрется несвежего мяса и возомнит из себя дельфина афалина.

Вынырнет где-нибудь в Черном море, разглядит на пляже девочек и помашет им лапами привет.

А потом лишь хвостом по воде взмахнет и исчезнет в пучине моря.

Медовуха

Сижу на кухне вчера ночью.

Только что Сашку соседа выпроводил за порог. Мы такой медовухи нажрались, что смотрел я на него, а видел свинью.

Еле избавился от этого кабана.

Каждый день у Сашки новый рецепт самогона. Сегодня мы дегустировали медовуху, настоящую на каких-то грибочках и конском навозе.

Я не брезгливый и в школу ходил. Слышал, что спирт основа всех лекарств. Он как бальзам для души.

Я Сашку поэтому люблю и уважаю. Он экспериментатор и практик. Бывало выпьем и смотрим друг на друга, изучаем эффект.

У кого первого крыша поедет и какой бред сгенерирует новое пойло.

Ко мне недавно свиньи приходили. Всю ночь между собой власть делили. А их иностранный дружок поддакивал: "Дранг нах остен. ОЙ ля ля."

Я от них в спальне закрылся, а они еще громче: "Хрю ля ля. Хрю ля ля."

Слышу стучит Сашка и обратно просится. Словно конь копытом в дверь колотит, настойчиво и громко.

Не хотел я его видеть. "Кто там", – спрашиваю, словно не догадываюсь.

"Конь в пальто", – отзывается Сашка и ржет, как сивый мерин.

Я двери открываю, а перед глазами и в самом деле конь в коричневом пальто. Грива челкой на глаза спадает, белые зубы сверкают жемчугом, а в копыте трубка дымится.

Сначала подумал, что это Сашка прикалывается. "Проходи, – говорю, – располагайся, чувствуй себя как дома."

Подыгрываю ему, а сам думаю, пускай лучше свой конь в пальто, чем свиньи из-за рубежа.

Мерин развалился на диване, положил копыта на стол, затянулся, выпустил две густые струи дыма.

"Хапур-чапур. Шашлик-машлик. Плохо ты встречаешь гостей. Почему твой стол пустой? Ты стреляешь холостой.

Ты вчера кормил свиней репутацией своей, напои теперь коней", – запел сосед свой свежий бред.

Я налил Сашке воды и поставил на стол. "Попей водички,

– говорю ласково, – а сам думаю выпьет воды и очнется, – вспомни, – продолжаю тихо, – а какие грибочки ты настаивал, сивый мерин."

Конь неожиданно дернулся, схватил стакан с водой, выплеснул мне в лицо и закричал: "Очнись, писака, пред тобою жеребец."

Не чуешь жожака, получишь в нос копытом. За то и стол твой пуст, что кормишь ты свиней и учишься у них плохому. Учиться надо у коней!

Вот я служу у деда. Коренник! Я главный конь в упряжке. Стартуя напрягаюсь из всех сил, потом иду я рысью. А пристяжные переходят на галоп", – гордо заявил Саня.

"Я сам придумал. И назвал романтически "Тройка" как сигареты. Ты записывай, а то забудешь."

Я побежал за бумагой и ручкой. Конь лежал на моем диване, запускал кольца дыма и полировал золотую подкову на нижнем копыте.

"Вот полюбуюсь, дед подарил за верную службу. Я не только самый мощный, но и самый осмотрительный. Дедушка потянет вожжи на спуске, я и торможу сразу."

Чувствительный я стал. Если подойдет чужак неожиданно, то получит копытом в нос. А деда своего я люблю.

Дышу ему в лицо перегаром, а он и радуется как мальчишка. Яблоки приносит и совсем ручным стал. Записал?"

"Стенографирую," – съехидничал я и нарисовал на листе большое яблоко.

"А недавно журналисты приезжали из Эмиратов. Спрашивают, – как это вы скакать научились так быстро и весело?"

"Все дело в волшебных бубенцах, – отвечаю и угораю. Арабы пошли колокольчики слушать, а я к бабушке.

Шпионы, – говорю, – разведчики шныряют. Хотят секрет нашей "Тройки" разузнать. Дед на счастье мне еще одну подкову золотую подарил, а сам побежал с арабами торговаться.

Хитрый дед и умный. Все потому, что с правильным конем общается, а не со свиньями, как некоторые."

Сашка заржал, обнажая огромные зубы.

Я нарисовал зубы на яблоке. Надо подробнее про секрет расспросить.

"Да что ты несешь? Какие шейхи, какие Эмираты! Весь мир знает Русскую тройку!" – спровоцировал я.

Конь дернулся, пыхнул в лицо мое дымом, взбрыкнул копытами с золотыми подковами перед носом и заржал.

"Пиши писатель пока я добрый.

Я лишь на старте сильно напрягусь, чтобы пристяжные мои набрали скорость. Помощники имеют пять сердец, они пойдут в галоп. А я приподниму подковы и лечу.

Словно крылья понесут меня над землей. Я как дракон трехглавый устремлюсь на врага и пламя выстрелит из ноздрей.

А люди ткнут пальцем в небо и скажут: "Вот он наш родной трехглавый кентавр – гордость, честь и достоинство. Записал?"

Я пририсовал яблоку крылья. "Не кури, – говорю Сашке, – никотин убивает лошадь. Ты мне нужен живой. Где я такой самогон еще найду?"

Конь медленно затянулся, выпустил струю дыма на меня, заржал и произнес: "Дурак. Это ты меня убиваешь своими дурацкими рассказами про свиней.

Запиши там у себя: "Конь живет всех живых потому что в нем нет желчи. Лошади бессмертны."

Я нарисовал большую трубку из которой валил дым, посмотрел еще раз на коня и потерял равновесие.

Утром я подумал, что ослеп, но когда продрал, глаза нашел рисунок на столе. Большое надкушенное яблоко с крыльями.

"Вот конь, – подумал я, – трубку прихватил, скотина."

Трип

А вчера с вашим котом мед пили на кухне.

Котомед как пулемет. Снесло башку мгновенно. Отключился, замертво упал.

Не сплю, а шевельнуться не могу. Трип по-научному.

С виду – труп. Внутри – трип. Диалектика. Единство и борьба.

Восстанавливаю связь с внутренним голосом. А голос гремит в голове набатом:

"Адам! Очнись!" – хрясь меня по щеке.

"Ошибка, – думаю, сон, а он снова, – Адам! Очнись!" – и по другой щеке меня, хрясь.

"Просыпайся, лентяй", – хрясь.

Открываю глаза и вижу бога. Облако белое с глазом живым отцовским и ладони. Горячие, большие, любящие, материнские ладони.

"Господи, помилуй", – прошептал я.

"Успокойся, – говорит ласково, – ты жену просил?"

"Было дело, – отвечаю, – ночью размечтался."

"Да зачем тебе жена! Ты и так в раю живешь, на всем готовеньком. На работу не ходишь, детей не кормишь. Весь день на рыбалке.

Оглядись. Мягкие, пушистые, толстые, худые, добрые, молчаливые, безобидные зверушки.

Пойми, здесь – рай. Здесь все тебе на счастье. Ты обеспечен на века. Пожизненно. Бессмертно?" – спросил всесильный.

"Душа обязана трудиться! – пафосно ответил я цитатой из песни, и задумался, чья душа, над чем трудиться? Вот в чем вопрос! -

Я женщину хочу! Я рай отдам взамен, коль соблюдешь ты все условия мои!" – закончил я клятвенно тыча пальцем в пуговицу на рубашке.

"Нет материи для женщин!

Возьми змею. Она свободна.

Гибкая, стройная, изящная. Кожа гладкая, серебристая, нежная. Целует в засос. Она тебе отличный массаж-пассаж сделает.

Большой любовью окружит, все члены семьи будут довольны. Детей любит смешить, погремушкой веселить", –

предложило облако.

"Господи, а кто такие дети?" – спросил я.

"Дети – это твои яйца. В миниатюре. Передаешь яйцо же не на хранение. Доверяешь, рискуешь жизнью, а сам – на рыбалку.

Возвращаешься, а там: взрослый сын на баяне туш играет", – растолковал господь бог.

"Баян в раю мне не помешает. А дети вылупятся, скорлупки сбросят и сразу змеенышами станут. Не нравится мне такая супруга.

Засунет в рот мне свой раздвоенный язык, и я помру со страха.

Боже, она меня задушит!" – взмолился я.

"Тогда возьми корову. Ее глаза как чернослив. А груди, словно вымя. Всегда ты будешь с молоком, сметаной, маслом, пивом.

Детей бычками назовешь, и дочку нежно – телкой.

А ночью вылижет тебя от пяток до загривка. И жвачкой своей поделится с тобой после секса", – предложил всемогущий.

"Бог мой, она меня раздавит!" – ужаснулся я.

"Бери лису. Красавица, умна не по годам. Расскажет байки, тысяча ночей с ней пролетят мгновенно. Все подтвердят.

Добытчица. И сыр найдет, и рыбы натаскает, и избу выгодно, с наваром разменяет. Риелтор сказочного уровня. Мечта лентяя.

С волками дружит. Медведя живого видела. Масло масляное, ешь!" – нахмурилось облако.

"Бог, ты видишь хвост? Следы воровка замечает. Буду хлеб с сыром кушать, а за дверью опера с потерпевшими.

И детишки наши будут лисятами. Если хитрить не научатся с детства, быстро хвост на воротник отсобачат", – огрызнулся я.

"Верной дорогой идешь, сын мой. Женю я тебя на собаке.

Верность ее бескорыстна и любовь незабвенна. Она тебя

не покинет никогда. Ни в радости ни в горе. Бритый ты или не бритый. Трезвый или пьяный.

На рыбалку идет с тобой. На охоту сама патроны порохом набивает и во фляжку для тебя самогона переливает из канистры.

Лучший друг! Что тебе еще надо?" – предложил мудрейший.

"Господи! Друзей за что? Не могу себе такое представить. Друг ты мне?" – поморщился я.

"Проехали! Ты просто трус.

Тебе нужна пантера. Что б черной молнией неслась в постель. Потом в детсад и на охоту.

Вечером большая киса раздаст мясо, выгнет спинку, нырнет в ванну и обернется женщиной.

Замурлычет под одеялом, сгенерирует звуки низкой частоты, настроится на твою волну и пропитает нежностью.

Осторожно, может съесть!

Ради своих голодных пантарезов не пожалеет никого. Попривет и скормит!" – предостерег меня боженька.

"Помилуй, боже! Мне попроще. По росту, массе, языку мы соответствовать должны друг другу.

Чтоб человек похож был на меня по духу. Пусть будет зеркалом моим в ментальном мире.

Чтобы я посмотрел на жену и увидел себя.

Чтобы была в меру умная и в меру глупая.

Немного наивная, но осторожная.

Доверчивая и щедрая.

Приличная и сумасбродная.

Грамотная и не очень.

Грустная, но не плаксивая.

Гостеприимная, но внимательная.

Пьяная, но трезвая.

Слабая, но сильная.

Чтобы в ней сочетались все противоречия и противоположности.

Чтобы она была и зеркалом и порталом.

Чтобы в ней уместилась вся мудрость человеческая.

А в глазах отражалась вселенная.

Прибавляю к раю свое ребро. Отдаю все!" – сказал я.

Бог посмеялся надо мной и успокоил: "Я сотворил тебе жену, бери любую!"

Тилим-пилим... Тилим-пилим...

Играла синтетическая музыка. Цветные лампочки танцующими узорами мигали на пестром экране. Десяток глаз уставились неподвижно в новый железный ящик.

В начале века в наш сельский универмаг установили игровой автомат. Назвали Столбиком.

И посыпались внутрь ящика пятирублевые монеты непрерывным потоком.

Рисковали школьники, забегая на минуту. Испытывали судьбу бородатые животноводы, специально прибывшие наказать мерзавца. Молодые продавщицы проходя мимо аппарата иногда закидывали монетку на удачу.

Тилим-пилим... Тилим-пилим...

Весело заливался Столбик, проглатывал монеты и увеличивал свой потенциал.

Иногда ему приходилось отсыпать немного монет, но главный выигрыш выпадал очень редко. В такие моменты Столбик на миг замирал, словно перед ним стоял победитель, а потом нехотя, но с музыкашкой, вываливал в лоток свою кучку.

Я давно не играл на деньги. Эта машина мне не понравилась. Сплошь обман и разводилово, считал я.

Тилим-пилим... Тилим-пилим... Однако.

Музыка продолжала звучать в голове вечером и ночью.

Перед сном я положил клавиатуру на колени и принялся тренировать левую руку. Не задумываясь, я начал печатать о том, как классно было бы заиметь телепатическую связь со Столбиком, чтобы поживиться.

Фантазии подняли настроение. Я почувствовал, что внутри созрел пока неосознаваемый план.

Тилим...Пилим... Тилим-пилим...

Я долго не засыпал. В ушах трезвон. Перед глазами цветные огоньки. Богатство. Деньги. Халява.

Когда я проснулся, опустились сумерки. В полусонном состоянии, не в силах о чем-либо думать, я ввалился в универ-маг. Странно, но людей не было и Столбик стоял свободным со всех его трех терминалов.

Продавщица из соседнего отдела разменяла мне пятьдесят рублей на пятаки, а ее муж посоветовал закинуть все монеты сразу. Он сам уже проиграл все, что раздобыл сегодня и давно просто наблюдал за лохами.

Тилим-пилим... Тилим-пилим... Пропела машина.

Я не надеялся. Я был уверен. Как и другие сотни сердец, проигравших здесь не только деньги, а нервы и душу.

Не сомневаясь, уверенной левой рукой, я закинул все десять монет и замер.

Аппарат запел, засветился и заработал. Один за другим сгорали мои пятаки. Кровь закипела в голове, лицо вспыхнуло жаром. Вот он – последний герой ринулся в бой внутри стального монстра. И вдруг Столбик замурчал, запел неслы-

ханной красоты мелодию и разродился нескончаемым потоком серебра.

Я запихивал горстями монеты в карман и не верил в это чудо. Собрались люди, принялись меня поздравлять с выигрышем.

Тилим-пилим... Тилим-пилим... Обратился Столбик лично ко мне.

В ту же секунду я скормил железяке еще десять монет на другой стороне Столбика. Теперь я по-настоящему уверился, что выиграть можно и машина меня узнала.

Все повторилось. Девять совершенно пустых попыток, а на десятой – крупный выигрыш. Карманы мои заполнились монетами. Кто-то из зрителей подарил целлофановый пакет для денег.

Восторгу не было предела. Я, словно именинник, получал поздравления от не знакомых людей.

Мне очень приятно. Но я понимал, что это их деньги. Стало неловко и я отошел от людей к Столбику.

Тилим-пилим... Тилим-пилим... Заскрипело из третьего

терминала.

Я уже достаточно выиграл. Все, спасибо, ухожу. Вот тебе от меня подарок. И я запихал в железное чрево еще десять пятакков.

К этому времени вокруг нас собралась толпа. Школяры и бородачи, продавщицы и покупатели – все уставились на экран.

Всеобщее молчание прервала торжественная мелодия, словно марш Мендельсона. Затем ворота разверзлись и хлынул поток изобилия.

Я устал черпать полными горстями блестящие кругляшки. Потом прошел по магазину и раздал старые долги.

Больше я никогда не играл со Столбиком.

Поговаривали бородачи: аппарат уже не тот, что был в начале. Скрутили Столбику настройки и обнаглевшая железяка совсем совесть потеряла.

А я с теплом вспоминаю этот вечер. Люблю полезные машины. Работал мастером. Но это в другой жизни.

И все-таки до сих пор иногда в голове моей звучит электронная мелодия.

Тилим-пилим... Тилим-пилим...

Камышовый кот

Кот!

"Как много в этом звуке для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось." А. С. Пушкин

Всех помню, но одного особенно хорошо. Этот пес уже тридцать пять лет в лесах наполненных дичью, а информация сгенерированная его духом и сегодня бодрит и заряжает меня энергией.

Память – ящик, лабиринт. Можно заблудиться.

В собственном прошлом, можно стукнуться башкой и увидеть все сразу, целиком картину жизни. И сделать выводы, итоги подвести.

Важней всего увидеть лица. Людей, кто рядом жил, любил, страдал и умер. А ты нет.

"Сегодня ты пойдешь со мной, – обрадовал меня Абдул-Гани военрук из школы, – историк должен видеть многое, чего не увидят другие.

Ты Миша, здесь не зря, не просто так, мне мама говорила, что не поедет обычный человек с тремя детьми в чеченское село.

Учителем из города в совхоз. Пойдем мы ночью в гости."

Гани мой друг. Он здесь в авторитете. Широкий и коренастый как пень.

С загадочной чеченской душой.

"Мой брат приехал умирать из лагеря домой. Мы все уже простились. Не знаю, что сказать, простись и ты. Скажи хоть что-нибудь, ему будет приятно, когда его благословит из города учитель".

Сидели долго на полу на шкурах из барана. Курили, ели, пили чай. О чем-то говорили.

Благославленный брат поглаживал котенка, а напоследок протянул и попросил: "Возьми себе на память. Здесь его не любят.

За то, что он творит – убьют. А мне его так жаль. Я ухажу, но пусть живет подлец. А тубик он не передаст и ты не заболеешь".

Кот рос, мужал и гадил. Красивый рыжий кот-подарок. Как третий сын.

Под Новый год продуктов нет нигде. Ни дома нет, ни в магазине. Иду в совхоз.

Крестьяне делят хлеб. На лотке черные маленькие буханочки полусырого кирпича. Сердце колотит. Дадут, не дадут хлеба мне?

"Хлеба! – я им говорю, – вы все меня знаете. Я ваших детей в вашей школе учу".

"Иди ка ты с миром. Здесь наша кормушка.

Хлеб – наше богатство! Придет наше время. Мы все zabezрем."

Иду в магазин там скоро привоз. Час до машины, еще час в толпе, и вот я счастливый несу две буханки в руке.

А возле столовой подросток знакомый, племянник хозяй-

ский, мешок вермишели мне вдруг предложил.

За мой нелюбимый, такой надоевший родной патефон. С большими бобинами, с квадратными дырами старинный мафон. Оденешь мягкие наушники и слушаешь музон.

И вот стоит вермишель под елочкой подарком. Смотрю гирлянду. Цветные огни веселятся и радуют глаза. Душа поет, как мой бывший магнитофон.

Сказочная картина, скоро приедет семья домой. И кот на мешке лапками перебирает. Танцует свой ритуальный танец. В такт, скотина, моей песне.

Коготками мешочек царапает и танцует. Хвост трубой задрал. Весело нам обоим.

Развлекает меня, настроение создает, детишек поджидает. А когда третий оборот вокруг своей оси совершил, то задрожал весь.

Волнами шкура поплыла и шерсть вздыбилась на загривке. Экстаз. Заворожило меня, загипнотизировало. В жизни не видел подобного.

Сюрприз так сюрприз! Когда на твоих глазах любимая

скотина вываливает на мешок с вермишелью пол литра жидкого поноса.

Нет, я не нюхал: плавал в этой вони. Вздыхал и думал про себя: "Когда же черт возьмет тебя?"

Я все простил. Начнем сначала. Духовный рост мы укрепим очисткой тела. Мы с блохами решили бой вести. Бескомпромиссный.

Противоречия у нас тогда уж больно обострились. Неприимимые, антагонистические. Или блохи нас сожрут, или мы их.

И приготовил я чудесный эликсир. Должно было сработать. Последняя надежда. До этого ему ничто не помогало. Кроме солярки дома ничего не было.

В назначенное время кот приоделся в чистую простынь. Ухватился башкой за мои пальцы и словно терминатор погрузился в чистилище.

Потом страдалец вырвался и забрался под шкаф в непролазную щель. И запел прощальную песню викингов.

Обряд очищения длился три дня. Три дня и три ночи тос-

кует душа, кричит и ругается матом. Очищается от мыслей дурных и поступков.

Решается важный вопрос. Быть или не быть коту за общим столом в следующий Новый год?

Молчит кот под шкафом. Кот и жив, и мертв одновременно. Эффект наблюдателя.

Никто не знает, пока не посмотрит. Иди и смотри! Доля такая котов спасать. Посмотрел, покормил, погладил, похоронил.

Ради пушистого засранца шкаф разберем и сдвинем. О, боже! Кто ты? Что за зверь? Ты еще жив? Глаза мигают, жив. Но шерсти нет.

И ноги странно стянуты какими-то жгутами из сухожилий. И сам, как Феникс, синий.

Лишь шапочка на голове из шерсти рыжей, как Папа римский.

Что творит соляра в хороших руках. Ее же пить можно. В коктейль добавлять.

Выжил кот, оклемался. Новой шерстью покрылся. Еще красивее стал. Чисто принц.

Ничего не делает. Мышей не ловит, потому что их и так нет. Только гадит по мелочам.

Решил я засранца в город отправить на заработки, на вольные хлеба. Как раз родители мои приезжали в гости. Выгрузил я продукты из сумки и спрятал там кота.

"Мы едем, едем, едем в далекие края", – мурлыкал рыжий пес, создавая волнительное настроение праздника. Возле моста через Терек папа остановил наш Москвич покурить.

Бурный Терек катил свои грязные воды вниз. По берегам непролазной чащey росли камыши. Меня осенила догадка. В сумке сидит Камышовый кот!

Он с детства мечтал покакать в камышах. Мышей всяких там, птичек развести на бабки. Свободу свободному духом!

Я почувствовал сопричастность к чему-то экзистенциальному. В торжественной обстановке всеобщего волнения я показал коту небо и камыши.

И даровал свободу там, где она ему по роду и племени, а

не на перекрестке в городе.

Кот грациозно вошел в камыши и застыл на месте. Он принюхался. Новые запахи вскружили голову. Он не знал, как реагировать.

Радоваться свободе и идти со страхом вперед или бежать обратно со страхом в сумку?

Камышовый кот выбрал свободу!

Он помахал на прощание хвостом и скрылся в зарослях.

Когда поют солдаты

"Когда поют солдаты, спокойно дети спят", – проникновенно пел радиоприемник в комнате.

Раскаленная печь давала тепло, чайник пыхтел, выпуская струйку пара из носа.

За окном туман, мелкий дождь, осенняя тоска.

Маленький якорь в голове зацепился за слово "Спят".

"А я, например, не сплю!"

Это значит, что солдаты не поют, а спят!"

Моментально кристаллизуется в уме ювелирная операция, чтобы отсечь лишнее имущество.

"Скучно дома томиться, когда в голове Операция.

Попробуй, удержишься на месте, когда сердце бьется из груди навстречу приключениям.

Пусть все дома сидят, чай пьют с малиной, кино смотрят, а меня не видят. Я люблю, когда меня не видят, когда нет наблюдателя.

Всего-то через лесную полосу вверх метров пятьсот, потом по пустырю вверх метров двести и я буду у цели."

После пересечения леса, не понятно: "Что же так сердце растревожилось? Еще ничего даже не начиналось.

Надо было мешок с собой прихватить."

Впереди железный забор из плит с круглыми дырами. Моя детская нога отлично вставится в отверстие и за три шага вверх я перепрыгну через забор.

Двести метров для подготовки.

"Я просто гуляю, иду, наблюдаю за каждым движением птиц.

Я слушаю воздух, я нюхаю небо, я кушаю свой язык.

Смотрю я налево, смотрю я направо, смотрю я вперед.

Локатор и мачты антенн на растяжках, машины, фургоны, склады, подземелья, чего только нет.

Я просто гуляю, телят выпасаю, овец от волков стерегу.

Иду, отдыхаю, глазами стреляю, ищу наблюдателя там наверху.

Мне дождик поможет, мне птица подскажет, мне ветер шепнет, я пойму.

И если я у забора не сплю, значит спят там солдаты."

Уверенно вверх я иду.

"Солдату труднее, сапог не пролезет, а мне в самый раз.

Три шага вверх, еще можно вернуться, еще посмотреть, подождать.

Я прыгаю сразу, чтоб не волноваться и локти потом не кусать.

Вот бункер. С последнего раза замок поменяли!"

Вспыхнула и погасла красная лампочка в голове.

"Попробую гвоздик. Какая удача!"

Замок развалился, иду напролом.

"Здесь горы железок! Здесь море деталек, таких интересных, что просто беда!"

Штаны, телогрейки, бушлаты, скамейки, цветные в мотках провода.

Здесь есть микрофоны, реле, телефоны, наушники, лампы. Всегда!

Надо брать с собой мешок, сам запомни хорошо!"

Вспыхнула и погасла яркая лампочка в голове второй раз.

"Надо срочно уходить!"

Выхожу как подпольщик из типографии, только без листовок.

Посмотрел налево.

Красная лампочка вспыхнула и не погасла.

Я машинально устремляюсь к забору.

Голова осмысливает увиденное.

Тело вонзается как нож, в кусты сирени.

Мозги внутри умиляются, как два наших советских солдата, совсем дети, отцепляют с поводка всего одну немецкую овчарку, солидного возраста.

"Я плохо бегаю, медленно, последний в классе.

Нельзя рассчитывать только на скорость.

Надо точно попасть ногой в дырочку.

Всего один шанс. И три шага вверх.

Нельзя ошибиться. Недопустимо! Смертельно опасно!

Только вперед и ни шагу назад!

Даже не думай и не сомневайся.

С тобою удача! С тобою господь!

Так бабушка мне говорила!

Мне сверху все видно. Собака спасенного не достанет, зубами стальными внизу постучит.

Теперь я свободен, как птица в полете."

Я прыгаю вниз.

Посмотрю на прощанье, собаке меня не достать.

Советский воин знает вкус победы. Смекалка и упорство – вот ключи!

Один плиту с земли приподнимает.

Другой собаку в щель пихает.
И оба ей орут: "Ищи!"

"Теперь я спринтер.
Колобок. Качусь по пашне.
Я раненый в крыло орел.
Я Штирлиц на задании.
На поле минном я сапер.
И космонавт Гагарин!"

Немецким лапам не понять, как догонять под гору.
Собака не смогла топтать наш чернозем подзолый.

Потом уже издалека я помахал рукою.

"До новых встреч. Приду еще. Возьму мешок с собою!"

Последний урок

И вовсе даже не урок, а только консультация перед последним экзаменом.

И все, прощай школа!. Десять мучительных лет советского воспитания сотворили чудесный гибрид.

Смесь марксизма-ленинизма с утопическим капитализ-

мом, православным коммунизмом и музыкальным нигилизмом.

Я давно смирился с тройками по всем предметам.

"И эту физику сдам завтра автоматом", – рассуждал я, подходя к школе.

Одноклассники толпились у входа. Девочки, не по форме школьной разодетые, любовались золотым колечком.

Маленький бриллиантовый камешек отражал лучи солнца, вспыхивал в глазах и восторгал подружек.

"Мне мама подарила на выпускной вечер", – хвалилась Лена – наш комсомольский лидер, – сорок рублей отдала, хотела сюрприз сделать, а я принесла показать вам!"

Красотки примеряли колечко на свои тонкие пальчики, смотрели сквозь камешек вверх и наслаждались моментом.

Славик мой одноклассник и центральный нападающий во всех делах от футбола до пьянки вежливо попросил Лену: "Дай померить!"

Колечко налезло на мизинец правой руки.

"Дай на пять минут пацанам покажу, только одну сигарету выкурю", – улыбнулся Славик.

Сердце Ленкино вздрогнуло, но рассудок логично доказал, что ничего не случится.

Да и вообще. Что может произойти плохого, когда вокруг друзья, подружки, лето, молодость, выпускной, кольцо, бриллианты, любовь и комсомол.

Славик весело побежал за школу курить последнюю сигарету.

За углом возле старого сарая одноклассники кидались камнями. Славик схватил кирпич из кучи, бросил с силой и ухватил еще один.

Отбившись от друзей, посмеявшись друг над другом, пацаны поспешили на консультацию.

У входа Лена попросила вернуть кольцо. Славик посмотрел на палец и обомлел. Этого маленького, желтенького, с камушком не было. Только что было, и нет.

Следом за Леной расплакались подружки. Славик побе-

жал искать золото.

Он сложил все кирпичи обратно.

Обнюхал носом всю землю.

Перекопал глазами все пространство под землей.

Просеял пальцами всю грязь под ногами.

Кольца не было!

Я курил за школой с другой стороны и ничего не знал.

Возле входа Славик одиноко докуривал не последнюю сигарету, тяжело вздыхал и упавшим голосом исповедался мне.

"Я напишу отцу письмо. На Север! На севере отец."

"Жди меня здесь", – сказал я не раздумывая. Я был уверен, что приду и найду. Я подошел к большой куче кирпича и обломков.

"Помнишь, как блестит капля воды на зеленой травинке после дождя?"

Как солнце любит природу через твои глаза?

Как много нам открытий чудных готовит просвещенья
век?

Мне кот говорил!

Я не ищу бриллианты! Не ищу золото! Не ищу кольцо!

Я ищу луч солнца. Мгновенный, молниеносный, один фотон.

И он меня увидел!

Фотон лишь на мгновенье озарил мой мозг. Я все нашел
и все увидел, теперь я понял все!"

Маленькое колечко лежало недалеко в траве. Меня, наверно, поджидало.

Славик ожил на глазах. Счастью не было предела. Почти бегом поднялись мы на второй этаж и вошли в класс.

Учительница писала на доске последние формулы.

Стояла гнетущая тишина. Школьники мрачно уставились
в тетради.

Лена красными от слез глазами тупо рассматривала буквы.

Я сел на свободное место сзади, а Славик подошел к Лене, и молча положил колечко перед ней на парту.

Субъективный объективизм

"ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих:" (Пс.90:11)

А давеча Кузьмич ноутбук купил.

"Деньги через интернет качать буду, – говорит, – технологии, все такое, искусственный интеллект и матрица.

Полная и окончательная победа хаоса над обычным разумом."

Поставил иностранную новинку на стол в кухне, сидит, в экран пялится.

Деньги ищет. Нефть, золото и бриллианты.

Левой рукой по кнопочкам стучит, а правой козы ножки забивает.

Затянется махоркой, приподнимет ноутбук и нюхает — нефть ищет.

Глаза трет. Проверяет не блеснет ли где нибудь самородок золота, не катится ли рубин, не материализуется ли аметист?

А ночью полез в американскую трубу!

Видит через нее весь мир наизнанку.

Не приближается Кузьмич к героям ихнего кино, а наоборот отдаляется.

Словно слов не понимает, а со своим дедом сравнивает. Одновременно смотрит героев, а видит славных ублюдков.

Везут с передовой в больницу разведчика солдата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.